

Вместе с тем в список I наркотических средств и психотропных веществ, утвержденный постановлением Правительства № 681, включены опий и ацетилированный опий, относящиеся к той же группе химических веществ.

Результаты освидетельствования лица, потребляющего морфин (лекарственный препарат), и лица, потребляющего опий (наркотическое средство), будут одинаковы – в заключении будет указано, что лицо потребило опиоиды.

В этой ситуации при получении объяснения у лица, привлекаемого к административной ответственности, необходимо выяснять, принимает ли оно какие-либо лекарственные препараты по назначению врача, и направлять соответствующие запросы в медицинские организации для подтверждения факта законного потребления препаратов лицом.

В тех случаях, когда лицо, потребившее наркотические средства или психотропные вещества, отказывается от дачи показаний, сотруднику ОВД, осуществляющему производство по делу об административном правонарушении, необходимо установить, к какому списку – I, II или III – относится (может относиться) потребленное лицом вещество. Если вещество находится в списке I (например, каннабис, амфетамин и т.д.), то запрашивать информацию в леченых организациях нет необходимости, поскольку данные вещества в медицине не применяются. Если же вещество относится к спискам II или III, то из медицинских организаций следует истребовать сведения об отсутствии назначения врачом данных препаратов для полного и правильного рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Абакумова Е.Б.,

кандидат юридических наук

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, Институт философии и права
СО РАН (г. Новосибирск)

Комиссаров А.В.,

кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск)

Маматов Р.Р.

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск)

Цивилистическое определение оборотоспособности наркотических средств (веществ) в российской системе права

Понятие гражданского оборота является теоретически устоявшимся. С практической точки зрения гражданский оборот – это правовая форма экономического оборота. При этом содержательно гражданский оборот представляет собой оборот субъективных гражданских прав на объекты, а не оборот собственно объектов (что

и отличает рассматриваемую категорию от категории «имущественный оборот»).¹

Дефиниция «гражданский оборот» и производные от нее понятия достаточно широко применяются в нормах действующего гражданского законодательства Российской Федерации. Обращение к норме п. 1 ст. 129 ГК РФ позволяет толковать

¹ Захаркина А.В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 323-333.

нормативное определение гражданского оборота как процесса перехода объектов гражданских прав от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства или на иных правовых основаниях. При этом следует учитывать, что сами основания данного перехода права в объем понятия гражданского оборота не включаются. Порядок установления, в том числе легитимации оборотоспособности объекта, также не относится к самому понятию «гражданский оборот» как таковому.

Дальнейшее раскрытие содержания юридической дефиниции «гражданский оборот» происходит в п.п. 2, 3 ст. 129 ГК РФ, классифицирующих объекты гражданских прав на оборотоспособные, ограниченные в обороте и изъятые из него. Таким образом, законодатель устанавливает троичную родовую классификацию объектов гражданских прав, что подвергается в научной литературе критическому обсуждению. С точки зрения правил формальной логики классификационное деление объектов не надлежит проводить по степени их допущения в гражданский оборот, т.к. само понятие «оборотоспособные» объекты предполагает возможность свойственной объектам различной степени этой самой оборотоспособности. А в существующей троичной классификации семантическое раскрытие категории – признака «ограниченности в обороте» – не дает формальной возможности отнести эти вещи к категории «оборотоспособных» даже с учетом того, что для допуска таких объектов в оборот необходимо соблюдение нормативно установленных условий, специального порядка. Поэтому рядом ученых предлагается создание «двухчленной (в смысле деления объектов гражданских прав на оборотоспособные и необоротоспособные) и в то же время двухуровневой (т.е. первый уровень – оборотоспособные и необоротоспособные; второй уровень оборотоспособных – свободные в обороте и ограниченные в нем) системы».¹

В развитие описанного подхода, с нашей точки зрения, усматриваются основания классификационно уточненного троичного деления объектов гражданских прав по признаку их оборотоспособности на:

– свободные в обороте или не ограниченные в обороте (а не просто «оборотоспособные») – на вовлечение объектов в гражданский оборот, вне зависимости от оснований такого вовлечения или перехода прав на объекты, не требуется наличия у лиц специальных правомочий в объеме их гражданской правосубъектности;

– ограниченные в обороте – на вовлечение объектов в гражданский оборот, переход прав на объекты требуется наличие у лиц специальных правомочий в объеме их гражданской правосубъектности, что принципиально отличает эту категорию объектов от объектов первой категории;

– изъятые из оборота.

Предлагаемая уточненная дифференциация объектов представляется более точно отражающей признак наличия у объекта способности правового участия в гражданском обороте на различных основаниях (как в порядке универсального правопреемства, так и вследствие юридических фактов, в том числе совершения сделок).

Говоря о практическом обеспечении ограниченности оборота наркотических средств (веществ), следует особо выделить такой механизм государственного регулирования, как институт лицензирования оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивирования наркосодержащих растений, который установлен Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и процедурно регламентирован в специальных нормах постановления Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1085 «О лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений». Указанные источники нормативного регулирования обеспечивают государственную политику в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту, направленную на установление строгого контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, закрепленную в ст. 4 Федерального закона от 8 января

¹ Захаркина А.В. Указ. соч.

1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».¹

Именно названные нормативные правовые акты, а также иные определяют отнесение наркотических средств веществ и их производных к предлагаемой второй или третьей группе (категории) объектов прав по признаку степени их оборотоспособности. Из такого нормативного закрепления, отнесения вытекает и последующее установление механизма государственного регулирования оборота рассматриваемых средств (веществ), в том числе лицензирования и государственного контроля отдельных видов предпринимательской деятельности, связанной с оборотом наркотических средств (веществ).

Теоретическое обоснование дифференцированной системы государственно-правового регулирования частной и иной

лицензируемой деятельности, связанной с легальным оборотом наркотических средств (веществ), вытекает именно из исчерпывающе точного понимания сущности прав на данные особые объекты и их места в объеме, структуре понятия гражданского оборота по признаку их оборотоспособности.

Таким образом, в сфере отношений лицензирования оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивирования наркосодержащих растений мы видим межотраслевое институциональное проникновение, в процессе которого административно-правовые ограничения служат средством гражданско-правового регулирования, что вместе обеспечивает реализацию регулятивной, охранительной функций государства и права.

Безруков А.В.,

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Эффективность обеспечения избирательных и манифестационных прав граждан полицией как мера предупреждения преступности в России

Избирательные права граждан и право на манифестации взаимосвязаны по содержанию и форме реализации, занимают особое место в системе конституционных прав граждан (ст. 3, 31, 32 Конституции РФ), подлежат повышенному научно-практическому вниманию, осмыслению и защите. Несмотря на то, что в конституционно-правовом механизме обеспечения конституционных прав граждан задействованы многие органы публичной власти, в обеспечении избирательных прав граждан и права на манифестации первостепенная роль принадлежит государственным органам организующим подготовку и проведение выборов, осуществляющим государственный контроль за организацией и проведением публичных манифестаций, и государственным органам, обеспечивающим конституционный правопорядок при их

организации и проведении. Соответственно, к первым относятся уполномоченные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, избирательные комиссии, к последним – правоохранительные органы, и в первую очередь полиция. Именно их значение и роль в обеспечении избирательных прав граждан и права на манифестации трудно переоценить, эффективность обеспечения ими конституционных прав и свобод позитивно сказывается на укреплении конституционного правопорядка и эффективности противодействия преступности в целом.

На современном этапе государственно-правового развития, исходя из законодательно установленного предназначения полиции (ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции»), одной из ее важнейших задач является

¹ Невирко А. Д. Лицензирование деятельности в сфере легального оборота наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 2 (23). С. 164–169.